

БЫТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ В СИБИРИ В 1920-Е ГГ.

Бершадская Светлана Вячеславовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: bsv97@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются динамика становления и развития школьной сети (количество школ, школьных работников и учащихся) на территории сибирского региона в 1920-е гг. Реконструируется бытовая сторона повседневной жизни и исследуются общие условия работы массового сельского учителя. Бытовая повседневность рассматривается как один из основных факторов, негативно влиявших на выполнение профессиональных обязанностей.

Ключевые слова: Сибирь, 1920-е гг., школьное образование, школьная сеть, сельский учитель, условия труда, повседневная жизнь, бытовая повседневность.

EVERYDAY LIFE OF A RURAL TEACHER IN SIBERIA IN 1920S

Bershadskaiia Svetlana Vyacheslavovna

Senior Lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

e-mail: bsv97@yandex.ru

Abstract. Based on the notion of daily life, the article aims to analyze the dynamics of school network development (the number of schools, teachers and students) and to reconstruct the issues relating to staff welfare, including conditions of employment and general conditions of life and professional activities of teachers in rural areas of Siberia in 1920s.

Key words: Siberia, 1920s, school education, rural school network, rural teacher, everyday life, conditions of employment, general conditions of life.

Бытовая повседневность сельского учителя в Сибири в 1920-е гг. определялась жилищными условиями, оплатой труда, выполнением профессиональной и общественной нагрузки, обстановкой жилища, питанием, семейным положением, особенностями сельского быта и досуга и др. и являлась одной из важнейших составляющих учительского благополучия. Тема нередко обсуждалась как на совещаниях региональных органов власти, так и получала освещение на страницах периодических изданий. Так, например, выступая на II краевом совещании заведующих окружных отделов народного образования, состоявшемся в 1926 году в г. Новосибирске, Р.И. Эйхе,

председатель Новосибирского краевого исполкома, отмечал «тесное переплетение» задач народного образования с крупнейшими задачами государственного строительства – «с сельским хозяйством, промышленностью, поднятием общего культурного уровня в стране» - и необходимость улучшения положения учителей [8, с. 3]. Журнал «Просвещение Сибири» в одном из номеров за 1927 год писал: «Пока не будет у учителей квартир, соответствующих их работе, мы не можем всерьез говорить о нормальности положения массовых народных школ» [6, с. 68].

Первым годом советского просвещения в Сибири был 1920-21 учебный год. Один из отчетов того времени так характеризует стартовые условия становления системы просвещения на территории региона: «Школьные здания разрушены отступающими колчаковскими войсками, учительский персонал частью мобилизован, частью разбежался или был угнан на восток. Школьная обстановка и пособия разграблены, разрушены...» [4, с. 5]. Однако, несмотря на все трудности, в указанные хронологические рамки отмечается значительное увеличение количества школ, школьных работников и учащихся по сравнению с дореволюционным периодом [5; 7]. В 1920-21 гг. школьная сеть Сибири достигла наивысшего количественного развития. Следующие цифры характеризуют динамику школьной сети (школ I и II ступеней) за первый год советского просвещения (Таблица 1) [4, с. 6].

Таблица 1. Динамика становления сибирской школьной сети в период 1920-21 гг.

Период	Число школ	Число учителей	Число учащихся
1 января 1920 г.	6687	11459	491931
1920-21 уч. год	7862	14413	492876

Однако, 1921 год оказался особенно сложным для формировавшейся системы советского просвещения: «Общие условия работы, в которых в Сибири протекает работа по народному образованию, не могут считаться даже сколько-нибудь сносными» [4, с. 7], материальные условия не соответствовали темпам роста школьной сети, к концу 1920-21 уч. года стало очевидным отсутствие «достаточно прочного материального фундамента»: «Причины, по которым закрываются школы, в большинстве случаев кроются в материальной необеспеченности школ» [4, с. 6]. По данным, опубликованным в региональной прессе, динамика сокращения школьной сети составила около 50% (Таблица 2) [4, с. 7].

Таблица 2. Динамика развития сибирской школьной сети в период 1920-21 гг.

Период	Число школ	Число учителей	Число учащихся
1921-22 уч. год	4575	8188	227133

Тем не менее, уже следующий 1923-24 уч. год стал годом перелома от развала школьной сети к ее восстановлению (Таблица 3) [4, с. 8].

Таблица 3. Динамика развития сибирской школьной сети в период 1922-27 гг.

Период	Число школ	Число учителей	Число учащихся
1922-23 уч. год	4212	7389	256845
1923-24 уч. год	4587	8949	314759

1924-25 уч. год	4648	9385	413131
1925-26 уч. год	5355	11873	476018
1926-27 уч. год	6962	13820	539023

В 1925-26 уч. году количество школ I ступени по Сибири в целом составило 4420 школ, из них количество сельских школ – 4220. По данным предоставленным 3791 сельской школой на 5356 школьных работников приходилось 237618 учащихся. Таким образом, в сельских местностях Сибири школой было охвачено только 34,1% детей школьного возраста [4, с. 9]. Одной из основных причин низкого процента охвата было отсутствие на селе работников просвещения.

В 1920-е гг. материальное положение сельских учителей на территории сибирского региона было крайне бедственным, средняя заработная плата – вдвое ниже прожиточного минимума. Так, например, заработок учителей школ Алтайской губернии в указанный период составлял 14 фунтов муки, которая иногда «заменялась зерном. Бывали случаи выдачи школьным работникам вместо муки 14 фунтов овса» [4, с. 7]. Учителя жаловались на полное отсутствие обуви и одежды [2, с. 24], на невозможные жилищные условия. Нередкими были такие высказывания учителей при их назначении для работы в школах в сельских местностях: «Пусть бы жалование было на 5-10 рублей в месяц меньше, но чтоб квартира человеческая была» [6, с. 70]. В своей речи на уже упомянутом выше II краевом совещании Р.И. Эйхе приводил и другие «печальные» примеры «тяжелого положения учительства» - «с учителем не считаются, его игнорируют, им помыкают». Так, например, «в одном месте» учитель был зачислен в число «антисоветских элементов» только за то, что отказался играть в каком то спектакле; в другом – «произвольно переброшен за плохую семейную жизнь»... «Само собой разумеется – заявил председатель крайисполкома, - подобное отношение к учительству совершенно не терпимо» и призывал обратить внимание не только на условия работы «учительства, но и к его быту, - бытовые условия нужно по мере возможности облегчать, а не усложнять» [8, с. 4].

Кроме того, работа в новой советской школе обязывала учителя к постоянной и напряженной общей и педагогической подготовке. Учителям наспех приходилось повышать уровень своей профессиональной подготовки – получать новые знания, чтобы «завтра не утратить своей общественной ценности до гроша и не очутиться в рядах лишних людей» [6, с. 68]. Однако, в типичной жилищной обстановке сельского учителя «работать вдумчиво над собой» было практически невозможно. Ни у кого не было ни своего рабочего угла, ни отдельного стола, ни порядочной лампы и даже чернильного прибора. «Трудно поверить, но это факт» - писал журнал «Просвещение Сибири» [6, с. 70].

В целях решения проблемы условий работы сельских учителей, органами государственной власти была развернута кампания по заключению договоров на содержание сельских школ. Кроме того, сельские работники просвещения, согласно декрета Совнаркома РСФСР [3], были переведены на местное снабжение. Однако, на практике, вместо прописанного декретом поволостного снабжения, происходило обложение сельское, что ставило учителей в

зависимость от местного сельского населения, не всегда приветствовавшего дополнительные расходы [1, с.210].

В указанные хронологические рамки, как правило, жилище учителя в сельской местности представляло из себя либо комнату при школе, либо комнату в крестьянской избе. Где лучше жилось учителю – вопрос сложный.

Учитель, проживавший в пришкольной комнате, получал в нагрузку две ежедневные смены и занятия в ликпункте в вечернее время. «Целый день в школе кутерьма... В голове мельница. Дождешься ночи и, как сноп, валишься на кровать... Какой тут отдых?! Какое самообразование?!» - говорил один из таких сельских учителей.

Не менее неудовлетворительные бытовые условия были у учителей, получавших комнаты в крестьянских избах. В пришкольных комнатах, в том случае, если школы располагались в специально отведенных помещениях, была хотя бы возможность устроить вентиляцию. Сибирские крестьяне не были склонны прорезать в окне или стене форточки. Сибиряк тепло в избах любил, берег ее и потому вентиляционных отверстий не приветствовал, и хваленный сосновый дух сибирских изб был явлением редким. В зимние холода избы топились железной печкой – в результате резкая смена температур и угар были постоянными спутниками бытовой повседневности учителей, проживавших в крестьянских избах.

Убранство учительских жилищ неважно рекомендовало их обитателей в отношении санитарно-гигиенических навыков, эстетических вкусов и интеллектуальных запросов. Самая характерная для учителя сельской школы первой половины 1920-х гг. обстановка состояла из небольшого столика размером около 50 см., который использовался и для еды и для работы, большой деревянной кровати у семейных учителей и небольшой железной у одиноких, нескольких табуреток или стульев местного производства, которые порой заменялись простыми скамьями. На столах у семейных учителей встречались скатерти «почтенной давности и сомнительной чистоты». Когда не хватало средств на приобретение скатертей, в ход шли школьные карты. Автор одной из статей, посвященной повседневной жизни сельских учителей, вспоминал, как у одной из учительниц, он «распивал чай на всей Азии». Подушки на кроватях учителей были самые демократические, наволочки на них из практичного немаркого ситца, простыни нередко отсутствовали. Матрасы, в случае их наличия, были соломенные. Однако, чаще матрасов не было вовсе и в этом случае их заменяла кошма или легонькая постилка. А вот одеяла были попримитивней, поскольку выполняли функцию покрывала для кровати. В семьях учителей, вопреки уже известным в то время санитарно-гигиеническим требованиям, полотенце было одно на всех – «вопреки правилам охраны здоровья – утираются одним полотенцем». В квартирах были умывальники, иногда вместо умывальников лишь обыкновенная сибирская «болтушка с носом», людям, не имевшим привычку пользоваться болтушкой, умываться было крайне проблематично. Полы мылись, как правило, только по субботам. Стены и потолки квартир были выбелены, имелись на стенах и украшения, представленные случайно подобранными картинками, выдранными из старых

журналов «Нива» и «Пробуждение», открытками или детскими рисунками. Отдавая дань времени, некоторые учителя украшали свои жилища портретами вождей революции, писателей, художественными репродукциями с картин знаменитых художников, в редких случаях – этажеркой с книгами, часами, лампой с абажуром, барометром и термометром на стенах [6, с. 70].

В рассматриваемый период популярной темой многих печатных изданий была т.н. «техника умственного труда». В пособиях заботливо разъяснялось, какова должна была быть обстановка у человека, занятого самообразованием. Специальные руководства по данной технике были созданы и для учителей. Но как далека была рекомендуемая обстановка от той, в которой работал сельский учитель. Один американский профессор, знаток вопросов техники умственного труда, считал, что человеку, занимавшемуся самообразованием, было абсолютно необходимо иметь особый рабочий стол, на котором ничего нельзя было делать, кроме выполнения определенной творческой или умственной работы. Это требование профессор выводил из психологических соображений и доказывал, что одно приближение к рабочему столу сразу настраивало человека «на деловой лад». Требования американского методиста самообразования начет рабочей обстановки в приложении к советскому массовому педагогу звучали утопией. В газетах и журналах рассматриваемого периода нередко публиковались снимки: такой-то председатель губисполкома в рабочем кабинете, такой-то председатель РИКа в своем рабочем кабинете, агроном такой-то в своем рабочем кабинете и т.д. И ничего удивительного в этом никто не находил. Но странно было бы увидеть в газете или журнале, например, такое: учитель деревни Бахта Енисейской губернии товарищ Иванов в своем рабочем кабинете. Улыбкой бы встретили современники такое иллюстрированное сообщение. Кто бы поверил, что у учителя Иванова была комната для работы! «И величайшую нелепость – отсутствие рабочей комнаты у сельского учителя – мы привыкли принимать как норму...» - с горечью отмечал журнал «Просвещение Сибири» [6, с. 71].

Другим неблагоприятным аспектом повседневности среднего массового сельского учителя было питание. Его повсеместная неудовлетворенность была обусловлена двумя основными причинами – низким учительским жалованием и полным незнанием «кулинарного дела». Существовала в деревне солидная группа семейных учителей, обстановка которых, на первый взгляд, была очень благоприятна для умственной работы. Это те учителя, «у которых жены еще в девичестве были приучены к рациональному домоводству и потому умеют устроить квартиру с минимум культурных удобств». Однако, одинокий учитель питался вместе с хозяевами. А крестьянский стол был скуден и однообразен. Круглый год одно и тоже меню – щи, пшенная каша, иногда мясо и масло, картофель, молоко. Временами и этот скудный список значительно редел. Из одного и того же продукта умелая хозяйка могла бы приготовить немало разнообразных кушаний, но «сибирячки не изобретательны на кухне». Все готовилось по древнейшему шаблону. Автор одной из статей, работавший в «богатой» коммуне одного из «образцовых» колхозов Алтайской губернии, отмечал малокровие и худосочие у 90% коммунаров, «недуги», развившиеся

вследствие недостатка питания, несмотря то, что «хозяйство и производство» в коммуне были «огромные», все «отрасли» работы – механизированы, «квартиры отличные» и продуктов в амбарах коммуны «всяческих» - «много»: и баранина, и говядина, и свинина, и овес, и просо, и овощи, «произраставшие» на огородах колхоза. «Корень зла» автор видел в отношении коммунаров к организации быта, в частности питания. Коммунары не считали «кухню чем то важным в жизни человека». Кроме того, приводил автор статьи и такие слова одного из коммунаров про «яства»: «...не мы их едим, а они нас». А одна из сибирячек, в ответ о причинах скудного рациона питания, ответила автору, что «с мясом скорее всего на кухне дело идет: плюхнул его в горшок, картошки настрогал – вот те и суп». Одиноким учителям-мужчинам, «скрепя сердце», мирились с крестьянским рационом. Некоторые учительницы в редких случаях пытались организовать на квартире свою кухню. Однако, как правило, такие затеи заканчивались крахом, вследствие возникновения «двоевластия» на кухне, которое заканчивалось неизменными «бурными конфликтами» [6, с. 72].

Таким образом, не смотря на сокращение школьной сети, отмечается значительный рост численности учащихся сельских школ на территории сибирского региона в первой половине 1920-е гг. Анализ приведенных статистических данных свидетельствует об увеличении нагрузки как на школу, так и на отдельного учителя. На протяжении всего рассмотренного периода крайне неудовлетворительные условия быта становились для учителей препятствием не только выполнения своих прямых профессиональных обязанностей, но и повышения квалификации, что не могло не оказывать негативного влияния на качество образования сельских школьников Сибири в 1920-е гг.

Список литературы

1. Бершадская, С. В. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920-1921 гг / С. В. Бершадская // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 2 (28). – С. 206-217.

2. Бершадская, С. В. Подготовка и повышение квалификации "педагогических сил" Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг / С. В. Бершадская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2023. – № 208. – С. 22-31.

3. Декрет СНК РСФСР от 21.04.1926 «О мерах по улучшению положения сельского учительства». – Текст : электронный // URL: <https://lawfirm.ru/comments/index.php?id=9556> (дата обращения: 25.09.23)

4. Начальное образование в Сибирском крае // К вопросу о всеобщем обучении в Сибирском крае. Новосибирск: [б.и.]. 1927. С. 5-10.

5. Романова, Н. С. Сеть учебных заведений профессионального образования в Енисейской губернии в 20-е гг. XX в. / Н. С. Романова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2020. – № 198. – С. 202–214. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-198-202-214

6. Топоров А. Дни нашей жизни // Просвещение Сибири. 1927. № 1. С. 68-82, с. 68.

7. Холина М.В. Реализация культурной политики в малых городах в начале 1920-х - конце 1930-х гг. (на примере Красноярского края): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Холина Марина Валерьевна. – Кемерово, 2010. – 20 с.

8. Эйхе, Р. И. Ближайшие задачи культурного строительства Сибири / Р. И. Эйхе // Просвещение Сибири. – 1926. – №6. – С. 3-5.